

ФУНКЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ МИНИМИЗАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРИОДИЗАЦИИ

***Д.И. ДМИТРЕНОК, аспирант Академии управления
при Президенте Республики Беларусь***

Возникновение и эволюция функции минимизации последствий аварии на Чернобыльской АЭС (далее – ЧАЭС) связаны с появлением и развитием такой новой сферы общественных отношений, как сфера борьбы с негативным чернобыльским наследием. Понятие этой функции (как и понятие одноименного государственно-правового механизма) в юридическую науку впервые было введено доктором юридических наук, профессором Д.М.Демичевым. Она представляет собой особое направление в деятельности государства по преодолению последствий атомной аварии, в котором “проявляются и концентрируются содержание и формы функционирования государственно-правового механизма, а также обязанность, способность и потенциальная возможность государства в достижении целей и задач данной деятельности” [1, с. 60]. Функции преодоления чернобыльского наследия принадлежат также и признаки ее правового регулирования. Она является не только функцией государства, но и функцией права. В настоящее время в юридической и социально-политической отраслях науки существует несколько вариантов-попыток провести периодизацию развития государственно-правовой реабилитационной политики (Д.М.Демичев, В.Г.Цалко и В.Е.Шевчук, С.П.Онуприенко, Вальтер Фуст и Штефан Барро). Но перед их анализом, остановимся на представляющем особый интерес экологическом материале.

Первостепенного внимания заслуживает свободный от государственно-правовых предпосылок подход к выделению временных отрезков в соответствии с резонансом радиоактивной обстановки на территории Беларуси, определяемой на основании периодов полураспада выпавших в результате аварии на ЧАЭС радионуклидов (А.А.Челноков, Л.Ф.Ющенко). Среди них: йод-131 с периодом полураспада – 8,05 суток, церий-141 – 32,5 суток, рутений-103 – 39,3 суток, стронций-89 – 50,5 суток, цирконий-95 – 64 суток, цезий-134 – 2,06 года, плутоний-240 – 14,4 года, стронций-90 – 29,12 лет, цезий-137 – 30 лет, плутоний-238 – 87,74 года, америций – 433 года, плутоний-239 – 24 390 лет. Базируясь на приведенных данных, “динамику складывающейся в республике радиоактивной обстановки после аварии можно разделить на три периода:

первый – апрель-май 1986 г. – радиационная обстановка, наряду с долгоживущими, определялась, прежде всего, короткоживущими радионуклидами, в основном, йодом-131 с периодом полураспада 8,05 суток; практически все население республики подверглось воздействию этого изотопа;

второй – лето 1986-1987 гг. основной вклад в радиационную обстановку, наряду с долгоживущими, вносили относительно короткоживущие радионуклиды с периодом полураспада от нескольких месяцев до двух лет;

третий – с 1988 г. и по настоящее время – радиационную обстановку на территории республики определяют долгоживущие радионуклиды, прежде всего, цезий-137, стронций-90 и плутоний-239, -240...” [2, с. 11].

В идеале государственная политика в области борьбы с негативным наследием атомной аварии, осуществляемая правительством и государственно-правовым механизмом в целом, должна быть адекватной динамике радиационных реалий, являющихся средообразующим фактором для всего комплекса последствий катастрофы. Поэтому деление времени на указанные периоды в зависимости от изменения радиоактивной обстановки на территории республики подходит для проведения хронологически идентичной периодизации и в отношении развития функции минимизации последствий аварии на ЧАЭС. Но внезапность и масштабность апрельских событий 1986 г. выявили неподготовленность правительственного руководства тогдашней БССР и правовой системы Беларуси ко всему объему последствий катастрофы. В первые поставарийные годы реабилитационную политику определял не столько радиационный фактор, сколько ограниченность государственно-правовых возможностей; лишь в дальнейшем правительственная активность и деятельность всего механизма преодоления негативного наследия Чернобыля стала в большей мере опираться именно на радиационную обстановку в соответствующих регионах и ее влияние на население. Атомная катастрофа породила комплекс последствий разнородного характера, включающий не только экологические и радиационные проблемы, но также политические, правовые, экономические, социальные, медицинские, психологические... Исследуемая государственно-правовая функция является комплексной, направленной на минимизацию не только радиоэкологических последствий чернобыльских событий, но, справедливее, – на регулирование различных областей развития белорусского общества, связанных радиационным фактором. Ее эволюцию в деятельности Совета Министров и иных структур “чернобыльского” государственно-правового механизма нельзя ставить в зависимость лишь от фактора динамики радиационной обстановки, роль которого является неоспоримо определяющей для всей реабилитационной политики. При проведении периодизации генезиса функции необходимо учитывать совокупность последствий катастрофы, затронувших весь спектр общественных отношений.

Подобному условию удовлетворяет исследование, проведенное Д.М.Демичевым в отношении Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины. В основу первой системной периодизации положено определение специфических закономерностей деятельности органов государства (в т.ч. правительства), обобщенных в виде особых результатов либо форм деятельности в рамках временных отрезков. “В деятельности государств, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС, можно было бы выделить четыре этапа в развитии функции минимизации последствий чернобыльской катастрофы:

- 1) начало катастрофы (26 апреля 1986 г.) – декабрь 1988 г.;
- 2) январь 1989 г. – август-сентябрь 1991 г.;
- 3) конец 1991 г. – 1993 г.;
- 4) 1994 г. – современный период” [3, с. 67].

Первый этап характеризуется масштабностью и эффективностью деятельности всех государственных органов, проявленной в выполнении первостепенных специальных мероприятий (эвакуация населения, обеспечение медико-профилактических мероприятий, воссоздание социально-бытовой инфраструктуры для переселенцев), за которыми в 1987 – 1988 гг. последовал спад правительственной активности. “Отличительной особенностью второго периода развития данной функции является некоторое усиление внимания к чернобыльским проблемам со стороны государства и его органов, создание минимально необходимого нормативно-правового каркаса, регулирующего общественные отношения в экстремальных условиях радиационно-экологического загрязнения больших регионов” [4, с. 11], а также разработка комплексного общереспубликанского подхода в деле смягчения наследия атомной аварии. Третий этап прогрессирования искомой функции детерминирован такими условиями, как развал СССР и последовавшее за этим негативное влияние геополитических процессов на постчернобыльскую ситуацию внутри бывших советских республик, принявших на себя бремя атомной аварии. Обнаруживается преобладание мер медицинской и социальной защиты, а также “...сужение возможностей каждого из пострадавших государств в эффективном разрешении чернобыльских проблем самостоятельно, осознание необходимости конструктивного взаимодействия стран-членов СНГ в координации усилий, разработки совместных проектов и методологических подходов в этом направлении” [4, с. 11-12]. Четвертый эволюционный этап функции связан с особенностями политико-экономической трансформации пострадавших государств: принятие новых конституций, укрепление института президентства, переработка прежних “чернобыльских” госпрограмм, совершенствование интеграционных межгосударственных процессов (прежде всего, в рамках Союзного государства России и Беларуси) “в части унификации законодательства, регулирующего права, компенсации и льготы пострадавшим гражданам, разработки принципов и критериев по определению статуса лиц, подвергшихся ионизирующему воздействию радиации” [4, с. 12].

Данная периодизация развития функции минимизации последствий чернобыльской катастрофы создана на действительно объективном фундаменте анализа соотношения состояния постчернобыльских реалий и закономерностей их государственно-правового регулирования в соответствующий период времени. Тем не менее, она все же имеет один недостаток: последний четвертый этап ограничен размытой формулировкой “1994 г. – современный период”. После обретения Республикой Беларусь нового Основного Закона произошли события глобального государственно-правового характера; но рассмотрение их Д.М.Демичевым не отразилось на продлении известной периодизации. Следовательно, она идеально соответствует непосредственно первым 8-10 посткатастрофным годам государственно-правовой политики, так как в дальнейшем время внесло в жизнедеятельность белорусского общества свои коррективы.

В свою очередь В.Г.Цалко (заместитель Министра по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь) и В.Е.Шевчук (заместитель Министра здравоохранения Республики Беларусь) рассматривают преодоление последствий чернобыльской катастрофы в рамках всего двух временных отрезков:

- 1 – *первоначальный этап* (апрель-май 1986 г. – середина марта 1989 г.);
- 2 – *восстановительный период* (22 марта 1989 г. – по настоящее время).

За основу этой периодизации также взято соотношение состояния постчернобыльских реалий и закономерностей государственной (правительственной) реакции на них:

1 – первоначальный этап характеризуется проведением различного рода минимизационных мероприятий во исполнение постановлений Правительства Беларуси, что являлось лишь сегментным решением существовавших проблем;

2 – частные государственно-правовые решения не могли обеспечить полнообъемной минимизации последствий аварии на ЧАЭС. “В первые послеаварийные годы... становилось все более очевидным, что без четкой государственной политики ликвидации последствий этой катастрофы, соответствующего законодательства, решить весь комплекс проблем невозможно...” [5, с. 65]. Появилась необходимость в создании правительственными структурами комплексных восстановительных программ и в разработке соответствующих законодательных актов, в рамках которых и предполагалось осуществление всей реабилитационной деятельности государства.

Выделение в эволюции исследуемой функции подобных этапов хотя и соответствует действительному характеру деятельности государственных органов, но чрезмерно эксплуатирует критерий обобщения. Это не позволяет рассмотреть подробную динамику функциональных изменений в постчернобыльской деятельности правительства и иных составляющих известного государственно-правового механизма. Поэтому данная периодизация не представляется объективной. Она не отражает многие стратегические в реабилитационном плане моменты, присущие эволюции исследуемой функции.

Еще один вариант структурирования периодов развития государственно-правовых усилий в области преодоления наследия атомной аварии разработан Швейцарским управлением по развитию и сотрудничеству (далее – ШУРС) при поддержке Международной коммуникационной платформы, посвященной долгосрочным последствиям чернобыльской катастрофы, “Chernobyl.info”. Вальтер Фуст (директор ШУРС) и Штефан Барро (глава проекта ШУРС “Путеводитель по Чернобылю”) предлагают разделить государственную политику после чернобыльской катастрофы на пять этапов или фаз:

❖ с 1986 г. по 1988 г. – *первая фаза*. Она характеризуется сокрытием органами государственной власти и управления информации об истинных масштабах атомной аварии и проведением политики точечного решения отдельных проблем из всего объема глобальной посткатастрофной проблематики. “В основе советской политики первых 2-х лет после аварии на ЧАЭС лежало, по всей видимости, предположение, что в течение всего этого времени радиационная ситуация придет в норму” (Астрид Зам) [6, с. 53];

❖ с 1989 г. по 1990 г. – *вторая фаза*. Период информационного взрыва и последовавшей за ним активизации деятельности правительственных структур и иных государственных органов в минимизации последствий чернобыльской катастрофы. Управленческие усилия, еще связанные контролем союзного

руководства из Москвы, обретают облик комплексного решения проблем пострадавших регионов;

❖ с 1991 г. по начало 1992 г. – *третья фаза*. Развал Советского Союза предопределил для бывших республик самостоятельность в проведении государственно-правовой постчернобыльской политики. Появление первых комплексных государственных программ по ликвидации последствий атомной аварии сопряжено с постепенной выработкой так называемого “чернобыльского” законодательства;

❖ с 1992 г. по 2001 г. – *четвертая фаза*. Социально-правовые эксперты ШУРС связывают ее с выделением в рамках постчернобыльской деятельности органов исполнительной власти собственно реабилитационного направления. Подобный курс системы государственных органов в целом становится все более приоритетным при корректировке прежних и разработке новых государственных минимизационных программ;

❖ с 2002 г. по настоящее время – *пятая фаза*. Проведение минимизационной государственно-правовой политики “в соответствии с планами ООН, а также с мнением ответственных лиц трех стран, наиболее пострадавших от аварии на ЧАЭС” [6, с. 55] предполагает ориентацию на полновесную социально-экономическую реабилитацию загрязненных радионуклидами регионов. Приоритетное направление в новой государственно-правовой стратегии деятельности правительства должно определяться как помощь населению, проживающему на пораженных радиацией территориях, в организации самопомощи (предоставление полномочий). Но “...подобная политика даст желаемый результат лишь спустя продолжительное время” [6, с. 55].

В основу приведенной периодизации положено своеобразное деление всей минимизационной деятельности государства на этапы в целом низкой активности (советский период), постсоюзного развития (начальный самостоятельный период) и собственно реабилитации (настоящий период). Но при всей своей убедительности она не способна раскрыть полностью действительные масштабы посткатастрофной активности Правительства Беларуси в системе государственных органов, поскольку многие государственно-правовые события, являющиеся определяющими для эволюции исследуемой функции и корректирующими ее, опускаются.

Крупный исследователь в области устойчивого развития пораженных радиацией регионов С.П.Онуприенко видит суть общественно-государственной концепции эффективного решения постчернобыльских проблем в проведении только двух этапов реабилитации:

I – *первый* (продолжительность 15-30 лет) отражает “комплекс мер, способствующих нормализации условий проживания населения на территории, в разной степени загрязненной радионуклидами, с последующей стабилизацией экосоциальной обстановки” [7, с. 104]. В него включены: а) снижение уровня правонарушений в пострадавших от радиации районах; б) рост социальной защиты граждан, занятости населения; в) проведение медико-оздоровительных мероприятий; г) повсеместный охват пострадавшего населения эколого-просветительными и воспитательными в радиологическом смысле мероприятиями;

II – *второй* выражен в качестве итогового периода ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, характеризуемого: а) завершением отселения граждан из районов с высокой (средней) плотностью радиационного загрязнения; б) проведением дозиметрического контроля и информирование населения о его результатах; в) осуществлением дезактивационных мероприятий на пораженных радиацией территориях; г) исключением из сельскохозяйственного пользования земель с уровнем концентрации радионуклидов, превышающим для ^{137}Cs и ^{90}Sr 2 Ки/км²; д) созданием “в каждом населенном пункте республики... информационно-профилактических центров, осуществляющих анализ и обработку экоданных, передачу их в централизованные структуры в Минске” [7, с. 105].

Специфика данной периодизации заключается в отсутствии масштабного исследования комплексного функционирования государственно-правового “чернобыльского” механизма и в предложении особой программы стабилизации посткатастрофных общественных отношений, разработанной на аналитике проводящейся организационной, медико-профилактической и эколого-воспитательной работы с пострадавшим населением. В стороне от рассмотрения остается непосредственно юридическая платформа преодоления последствий. Кроме того, за рамки анализа выносятся и политико-государственный фундамент борьбы с негативным наследием катастрофы.

Таким образом, рассмотренные варианты периодизации эволюции государственно-правовой функции минимизации последствий аварии на ЧАЭС представляют собой попытку проанализировать 20-летнюю правительственную активность и деятельность “чернобыльского” государственно-правового механизма. Все из них имеют свои определенные недостатки, не позволяющие абсолютно объективно решить данную задачу. Но, несмотря на это, указанные варианты периодизации неоспоримо заслуживают пристального внимания, представляя интерес для юридической науки. Наиболее удачная в государственно-правовом смысле периодизация предложена Д.М.Демичевым. Именно посредством ее возможен относительно полноценный анализ реабилитационной деятельности белорусского Правительства в системе государственных органов в течение первых 8-10 посткатастрофных лет. Тем не менее, осмелимся предложить свой вариант определения этапов эволюции исследуемой государственно-правовой функции, исходя в т.ч. и из современных условий развития белорусской государственности.

В основу периодизации развития данной функции необходимо положить не столько закономерности практической реализации реабилитационных задач (что второстепенно), сколько особенности эволюции государственно-правовых основ, направленных на обеспечение данных задач. Предлагаемая периодизация представляется в следующем виде:

- 1) с 1978 г. по 26 апреля 1986 г. – докатастрофный период;
- 2) с 26 апреля 1986 г. по 24 ноября 1996 г. – начальный посткатастрофный период. Его необходимо разделить на три этапа:
 - а – с 26 апреля 1986 г. по декабрь 1988 г.,
 - б – с января 1989 г. по сентябрь 1991 г. и
 - с – с октября 1991 г. по 24 ноября 1996 г.;

3) с ноября 1996 г. по настоящее время – современный посткатастрофный период. Его также следует разбить на этапы:

а – с 24 ноября 1996 г. по 3 апреля 2000 г. и

б – с середины апреля 2000 г. по настоящее время.

Докатастрофный период. Изначально выделение данного этапа выглядит как бы неправомерным, ведь непосредственное рождение самой функции произошло именно 26 апреля 1986 г. Тем не менее, это все же представляется справедливым. До возникновения чрезвычайной ситуации, относящейся, например, к роду ситуаций природно-техногенного типа, уже существуют определенные государственно-правовые основы, направленные на ее регулирование. В момент же ее наступления, при условии масштабности и долговременности ее последствий, имеющийся государственно-правовой фундамент приобретает характер активной движущей силы, порождающей искомую функцию, инверсируясь из прописного политико-юридического пассива.

Именно в период с 1978 г. по 26 апреля 1986 г. в Конституцию БССР и в закон о Совете Министров, были заложены те базовые конституционные конструкции, которые явились необходимыми для высшего органа исполнительной власти в определении его функционального положения в будущем государственно-правовом “чернобыльском” механизме. В частности, пп.1, 5 части 2 ст. 118 Основного Закона закрепляли конституционные элементы полномочий правительства в области разработки и осуществления мер “...по рациональному использованию и охране природных ресурсов” и “...по обеспечению государственной безопасности... страны” [8]. В целом, по Конституции 1978 г. Совет Министров признавался высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти, что позволило ему с первых дней аварии на ЧАЭС включиться в работу по преодолению ее последствий в качестве ключевого звена в известном государственно-правовом механизме.

Первый этап начального посткатастрофного периода характеризуется: а) отсутствием развития конституционно-правового базиса деятельности белорусского Правительства в известной сфере (Совет Министров руководствовался лишь имеющимися по состоянию на 26 апреля 1986 г. статьями Конституции и положениями указанного закона); б) сегментно-точечным дроблением правительственной деятельности по некоторым важнейшим аспектам минимизации (организация радиометрической разведки; эвакуация населения из 30-километровой зоны вокруг ЧАЭС; обеспечение населения чистой с/х и промышленной продукцией; организация медицинского обеспечения и строительства жилищных и социокультурных объектов для пострадавших).

Масштабы случившегося и недостатки принимаемых решений (неэффективность агрохимических мероприятий, плохая дезактивация населенных пунктов, некачественная застройка жилья для переселенцев и др.) заставили Совет Министров начать разработку комплексного подхода.

Второй этап начального посткатастрофного периода связан с: а) закреплением на уровне Декларации о государственном суверенитете исследуемой функции (часть четвертая ст. 8 Декларации); б) появлением Государственной программы по преодолению последствий катастрофы на ЧАЭС на 1990-1995 гг.,

содержавшей систему взаимоувязанных направлений (профилактика заболеваний и санаторное оздоровление людей; повышение качества жизни в загрязненных радионуклидами регионах, улучшение коммунального и транспортного обслуживания; активизация мер социального обеспечения пострадавших граждан; снижение дозы радиоактивного облучения; строительство и качественное обустройство новых жилых поселков для переселенцев и т.д. [9]).

Особенности третьего этапа начального посткатастрофного периода: а) поступательное развитие конституционно-правового фундамента правительственной деятельности (Конституция Республики Беларусь в ред. от 15 марта 1994 г., поместившая институт Президентства во главу исполнительной власти государства, оставила правительственную компетенцию без необходимых изменений; ст. 8 Закона от 30 января 1995 г. № 3557-XII “О Кабинете Министров Республики Беларусь” закрепила за правительством организацию работ по преодолению наследия атомной аварии, проведение государственной политики по управлению загрязненными территориями, обеспечение безопасных условий проживания на них граждан, разработку и реализацию медицинских программ [10]); б) совершенствование положений “чернобыльской” госпрограммы в соответствии с принятыми законодательными актами в известной сфере; в) начало конструктивного межгосударственного диалога по чернобыльской проблематике (заключение двусторонних соглашений с участием Российской Федерации и Украины, а также отдельных договоров в рамках СНГ).

Принятие на всенародном референдуме 24 ноября 1996 г. изменений и дополнений в Основной Закон Республики Беларусь ознаменовало первый этап современного посткатастрофного периода. Его черты: а) предоставление Совету Министров по обновленной Конституции совокупности полномочий, позволяющих более качественно регулировать жизнедеятельность республики в целом, в т.ч. и в сфере преодоления наследия Чернобыля [11]; закрепление в новой редакции Закона “О Совете Министров Республики Беларусь” (от 7 июля 1998 г. № 178-3) собственно “чернобыльских” полномочий и необоснованное их включение в структуру правительственной компетенции в области охраны окружающей среды [12, ст. 6]; б) наметившееся отклонение от целостного финансирования комплексных мероприятий, предусмотренных Государственной “чернобыльской” программой на 1996-2000 гг.; в) выход двустороннего белорусско-российского реабилитационного сотрудничества на уровень Союза Беларуси и России (предвосхищение Союзного государства) – разработка союзных программ, призванных дополнить положения национальных госпрограмм.

Для второго этапа современного посткатастрофного периода основополагающими представляются: а) отсутствие серьезных изменений конституционно-правовой платформы деятельности Правительства; б) закладка в очередных “чернобыльских” программах принципа возвращения загрязненных регионов к нормальным условиям социально-экономического развития при поступательном снятии с них ограничения по радиационному фактору; переход на адресную социальную помощь; создание для населения, проживающего на известных территориях, условий, способствующих организации самопомощи.

Список цитированных источников

1. Демичев, Д.М. Минимизация последствий чернобыльской катастрофы в системе функций государства / Д.М.Демичев // Научн. труды Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь / Учредитель – Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Вып. 7 (2006). – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2006. – С. 55–70.
2. Челноков, А.А. Экологические проблемы Республики Беларусь и пути их решения: Методические материалы для участников Движения филоматов, преподавателей, слушателей и выпускников Народного Университета / А.А.Челноков, Л.Ф.Ющенко, М.Е.Фридлянд. – Минск, 1999. – 48 с.
3. Демичев, Д.М. Органы государственного управления в минимизации последствий чернобыльской катастрофы (по материалам Республики Беларусь, Украины и Российской Федерации) / Д.М.Демичев. – Минск, Право и экономика, 2006. – 215 с.
4. Демичев, Д.М. Государственно-правовые проблемы преодоления последствий чернобыльской катастрофы: по материалам Республики Беларусь 1986–1996 гг. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Белорус. гос. ун-т / Д.М.Демичев. – Минск, 1997. – 39 с.
5. 20 лет после чернобыльской катастрофы: последствия в Республике Беларусь и их преодоление. Национальный доклад // под ред. В.Е.Шевчука, В.Л.Гурачевского. – Минск: Комчернобыль, 2006. – 112 с.
6. 55 вопросов и ответов, касающихся аварии на Чернобыльской атомной электростанции // под ред. Л.Фройлер, Д.Винер, С.Мезарош (ШУРС). – Минск: Юнипак, 2006. – 80 с.
7. Онуприенко, С.П. Программа конструктивных вариантов стабилизации и последующей ликвидации синдрома постчернобыльской трагедии / С.П.Онуприенко // Экологические и социокультурные аспекты устойчивого развития: Сб. ст. / под ред. П.А.Водопьянова. – Минск: АНБ, 1997. – С. 104–117.
8. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики: Принята на внеочередной сес. Верховн. Совета БССР 14 апр. 1978 г., с изм. и доп., внесен. Законами БССР от 21 июня 1979 г. и 27 окт. 1989 г. – Минск: Беларусь, 1989. – 48 с.
9. О Государственной программе по ликвидации в Белорусской ССР последствий аварии на Чернобыльской АЭС на 1990-1995 годы: Постановление Верховн. Совета Белорусской ССР, 26 окт. 1989 г., № 2916-XI // Свод законов БССР, указов Президиума Верховн. Совета БССР, постановлений Совета Министров БССР. – 1989. – № 31. – Ст. 313.
10. О Кабинете Министров Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 30 января 1995 г., № 3557-XII // Ведомости Верховн. Совета Респ. Беларусь. – 1995. – № 13. – Ст. 128.
11. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. № 2875-XII (с изменениями и дополнениями, принятыми на Республиканском референдуме от 24 ноября 1996 г., в ред. Решения Республиканского референдума от 17 ноября

2004 г. № 1) // Нормативная база эталонного банка данных правовой информации “Эталон” [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. – Минск, 2007.

12. О Совете Министров Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 7 июля 1998 г., № 178-З (с изменениями и дополнениями от 16 июня 2000 г., Закон № 401-З; 31 янв. 2003 г., Закон № 186-З; 20 июля 2006 г., Закон № 162-З) // Ведомости Нац. собрания Респ. Беларусь. – 1998. – № 29-30. – Ст. 466; Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. – № 59. – 2/176; 2003. – № 17. – 2/935; 2006. – № 122. – 2/1259.